

Суровость, владевшая лицом Цэнь Сяо всё утро, наконец начала уступать место едва заметной улыбке, словно после долгой зимы проглянуло первое весеннее солнце.

Порыв ветра растрепал волосы Ли Жуну, и одна непослушная прядь забавно выбилась вверх. Мужчине нестерпимо хотелось пригладить её, но, чувствуя на себе десятки любопытных взглядов, он всё же сдержался и не поднял руку.

Ли Жун смотрел лукаво, явно наслаждаясь произведённым эффектом. Он нарочно придвинулся ближе, навалившись плечом на партнёра, чтобы тот ощутил его вес.

Эта выходка мгновенно вырвала его из пучины мрачных мыслей.

Ничто не могло унять боль лучше, чем присутствие этого живого, настоящего юноши. Он был здесь, рядом: от него исходило тепло, его прикосновение было осязаемым, а взгляд — полным жизни. Даже эта выбившаяся прядь была свидетельством реальности происходящего.

— Ладно, — Цэнь Сяо сидел прямо и неподвижно, служа Ли Жуну надёжной опорой. — Ты ответил за меня, пока я витал в облаках. Справедливый обмен.

Они обменялись короткими понимающими взглядами, после чего Ли Жун с самым невинным видом уставился на преподавателя экономики, а его спутник как ни в чём не бывало перелистнул пару слайдов в презентации.

— Справедливый, говорите? — преподаватель не стал напускать на себя излишнюю строгость. Он давно привык относиться к студентам как к взрослым людям, и минутная заминка на лекции не казалась ему преступлением. Напротив, он решил воспользоваться моментом, чтобы разрядить обстановку. — И в каких же вы отношениях, раз он за тебя вопросы решает?

Аудитория мгновенно отозвалась свистом, аплодисментами и смешками — студенты никогда не упускали случая поглазеть на зрелище.

Преподаватель шутливо постучал указкой по столу:

— Чего смеётесь? Вон, даже вольный слушатель знает ответ, а вы? А ну-ка, призадумайтесь, смогли бы вы так же?

Ни Цэнь Сяо, ни Ли Жуну ещё не доводилось становиться объектом подобных шуток на глазах у толпы. В прошлой жизни Ли Жун держался слишком холодно и отстранённо, чтобы кто-то рискнул его подначивать, а его партнёр... Он сам был ходячей проблемой, с которой никто не хотел связываться.

Но в этой ситуации им волей-неволей пришлось стать тем самым «огоньком», разжѐгшим интерес публики. Впрочем, оба они повидали в жизни слишком много, чтобы краснеть под взглядами сокурсников.

Дождавшись, пока гул в аудитории утихнет, юноша с невозмутимым видом отозвался:

— Мы в тех отношениях, в которых вам приятнее всего нас представлять.

Он прекрасно понимал, к чему клонит толпа и какие ожидания читаются в их глазах. Ответ получился изящным: староста и не подтвердил догадки прямо, и оставил простор для фантазии.

Преподаватель остался доволен. Не желая больше тратить время занятия, он снисходительно махнул рукой:

— Посмеялись и хватит. Слушайте внимательно, а если в следующий раз не ответите — пеняйте на себя, баллы сниму без жалости.

Фундаментальные знания, о которых шла речь на лекции, Цэнь Сяо и так прекрасно знал — ему достаточно было беглого взгляда на слайды, чтобы всё восстановить в памяти. Он просто действительно не расслышал вопрос.

Сделав пометку, он пододвинул ноутбук так, чтобы экран был виден и Ли Жуну.

Тот вовсе не собирался всерьѐз изучать экономику. Он не стремился стать мастером на все руки — достаточно было преуспеть в своём деле. К тому же, сейчас было его законное время отдыха.

Пальцы Ли Жуна, не знавшие покоя, коснулись клавиатуры. Прямо поверх текста лекции он быстро набрал:

[О чём ты таком думал?]

Закончив, он убрал руки и подпѐр подбородок ладонью, принимаясь рассеянно разглядывать вид за окном.

Цэнь Сяо мельком взглянул на экран и не спеша отстучал ответ:

[О том, почему ты раньше вечно отказывался от завтрака.]

Почему же он не любил завтракать? Потому что из-за этого они в тот день снова поссорились

перед выходом.

Он вспомнил, как прижимал Ли Жуна к стене в прихожей, пытаясь заставить его съесть хотя бы кусочек поджаренного хлеба. К губам юноши прилипли крошки, но тот упрямо сжимал челюсти, не желая проглотить ни крохи. На самом деле Цэнь Сяо не хотел давить, он просто до смерти боялся за его желудок. В таком возрасте серьёзные проблемы с пищеварением могли обернуться катастрофой в будущем.

Но в те времена они не умели говорить по-человечески. Даже добрые намерения, сорвавшись с языка, превращались в яд.

Та сцена оказалась их последней встречей в прошлой жизни.

Ли Жун мгновенно уловил перемену в настроении партнёра. Ещё когда он только вошёл в аудиторию и увидел его профиль, он понял, что тот не в духе. Своим ответом и последовавшей за ним пикировкой он лишь пытался немного развеселить его.

Цэнь Сяо вроде бы начал расслабляться, но этот вопрос снова вытащил на поверхность мрачные мысли. Мужчина заметно помрачнел.

Юноша помедлил, бросил быстрый взгляд на преподавателя, увлечённо пишущего на доске, и снова потянулся к клавишам.

[Дело не в том, что я не любил. Просто Цзян Вэйдэ каждое утро приносил мне еду, и я был сыт по горло.]

Он просто никогда не говорил об этом Цэнь Сяо.

Ли Жун понимал, что завтрак нужен его больному желудку, но общение никогда не было их сильной стороной. В ту пору они оба были слишком гордыми и упрямыми, чтобы искать компромиссы. Проблема просто висела в воздухе, и никто не решался сделать шаг навстречу, пока ситуация не зашла в тупик.

Преподаватель предостерегающе кашлянул, и Цэнь Сяо пришлось прекратить переписку.

Едва пара закончилась, Ли Жун дождался, пока его спутник соберёт вещи, и они неспешно направились в сторону столовой.

Юноша украдкой изучал лицо партнёра, а затем нарочно толкнул его локтем:

— Надо же... Кто бы мог подумать, что наш всегда такой серьёзный и рассудительный капитан Цэнь умеет считать ворон на парах.

Цэнь Сяо наконец поднял руку, приглаживая ту самую непослушную прядь на его голове, и сухо отозвался:

— Подумаешь, отвлёкся. В своё время я даже прогуливал.

Он понимал, что Ли Жун пытается его расшевелить, но ему всё ещё требовалось время.

Староста задумчиво кивнул. Ах да, он и забыл, что у Цэнь Сяо было бунтарское прошлое и конфликты с родителями, просто в то время они ещё не были вместе.

Тот шёл наперекор не только семье, но и самому себе — в его чувствах к Ли Жуну тогда мешались любовь и ненависть, и он, конечно, не мог позволить юноше увидеть своё истинное лицо.

В те годы Ли Жуну тоже было трудно понять мотивы окружающих. Он даже не смотрел на списки успеваемости после экзаменов — и так знал, что он первый. Для остальных его безразличие было лишь частью образа высокомерного гения, но для него самого это был способ отгородиться от мира.

Вспоминая прошлое сейчас, он видел лишь детскую незрелость. Это были времена их настоящей, ничем не замутнённой юности, когда жизнь ещё не успела навязать им свои жестокие правила.

Ли Жун запрыгнул на бордюр и принялся старательно балансировать, пытаясь идти по прямой линии, словно гуляющий сам по себе кот.

Цэнь Сяо подхватил его под руку, увлекая на узкую тропинку:

— И когда ты только успел выучить экономику? Оставишь ты хоть какой-то шанс простым смертным?

Юноше было всё равно, что его стащили с любимого бордюра — он тут же нашёл глазами длинную щель между плитками и зашагал по ней. Глядя под ноги, он усмехнулся:

— Просто случайно услышал вывод, пока стоял за дверью, вот и всё. У меня нет времени на экономику. Это ты просто плохо слушал.

— Теперь ты не боишься, что люди узнают о наших отношениях? — Цэнь Сяо мельком взглянул на линию, по которой шёл Ли Жун. Тот соблюдал свои правила: не наступать на сорняки, пробивающиеся сквозь бетон, и обходить случайно подвернувшихся букашек.

Ли Жун загадочно улыбнулся:

— На самом деле, люди верят только в то, что от них старательно прячут. Чем естественнее и открытее ты себя ведёшь, тем меньше подозрений это вызывает.

С этими словами он внезапно обернулся и впился взглядом в партнёра:

— Что случилось утром в Девятом районе? Почему у тебя нет настроения?

Когда Цэнь Сяо выходил из дома, всё было в порядке — он даже съел на завтрак два яйца. Но теперь он явно лишь делал вид, что бодр. Школьные дела тут точно ни при чём, оставался только Девятый район.

В деле Хань Цзяна они вели: у них была зацепка в лице Цзян Чжэн. Вряд ли бывший начальник группы Хань мог так сильно на него повлиять. Значит, Ду Минли. А если капитан Ду смог задеть Цэнь Сяо, то это наверняка связано с самим Ли Жуном.

Неужели Ду Минли заговорил о нём?

Ли Жун догадался, но не стал давить. Он лишь вскинул бровь и с непринуждённым видом стал ждать ответа.

Цэнь Сяо посмотрел в его пронизательные глаза и, решив уйти от прямого ответа, коснулся пальцами его подбородка:

— Мне и так паршиво, зачем же я буду портить настроение ещё и тебе? Ничего серьёзного. Было бы что-то важное — я бы сказал.

Юноша прищурился и проворчал под нос:

— Скрытничает... И ещё оправдывается.

Ему не нравилось, когда от него что-то утаивали, но в этот раз он решил не настаивать. Он понимал, что Ду Минли задел больное место Цэнь Сяо, да и сам Ду в этой реальности вряд ли владел какими-то судьбоносными тайнами. Однако на словах Ли Жун сдаваться не собирался.

Он ухватил Цэнь Сяо за воротник и притянул к себе.

— Решаешь, что важно, а что нет? — Ли Жун прижался к нему почти вплотную и вдруг резко, чувствительно задел коленом в паху... — Если ещё раз что-то скроешь, отправись спать в кабинет!

Бросив эту грозную угрозу, он резко развернулся и прибавил шагу. Сначала он просто быстро

шёл, но, услышав, как Цэнь Сяо, шумно втянув воздух, бросился вдогонку, юноша сорвался на бег.

Два молодых человека в самом расцвете сил бежали стремительно, и догнать одного из них было задачей не из лёгких. Тренировки под руководством Тан Хэ не прошли даром — Ли Жун давно не чувствовал такой лёгкости. Весенний ветер свистел в ушах, принося запахи утренней росы и свежевскопанной земли.

Лишь спустя три километра Цэнь Сяо наконец удалось ухватить край куртки Ли Жуна и прижать его к себе.

Тот пошатнулся и вынужден был остановиться. Какое-то время они молчали, жадно хватая ртом воздух.

Юноша даже зашёлся в коротком кашле от напряжения. Ворот его куртки, за который тянул Цэнь Сяо, съехал набок, обнажая шею. Лицо покраснелось, на коже выступила испарина, грудь тяжело вздымалась. Влажные пряди волос прилипли к вискам.

Его партнёр выглядел лучше, но такой забег дался ему нелегко — мышцы ног гудели от напряжения. Опасаясь, что у Ли Жуна ещё остались силы сбежать, он крепко обхватил его за талию.

Они оказались возле старого экспериментального корпуса. Это место с его диким садом и обветшалыми стенами было, пожалуй, самым уединённым уголком кампуса — лишь изредка здесь можно было встретить дворника.

Ли Жун посмотрел на пробивающуюся сквозь пожухлую траву молодую зелень. Ему отчаянно хотелось просто рухнуть на землю и отдышаться. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Он и сам не верил, что заставил Цэнь Сяо бежать за ним так далеко.

— Всё... не могу больше... — пробормотал он, задыхаясь. — Ты мне сейчас одежду порвёшь.

Видя, что куртка и впрямь сползла с плеча юноши, Цэнь Сяо медленно ослабил хватку и упёрся руками в колени, переводя дух.

Едва его отпустили, Ли Жун присел на корточки. Одной рукой он поправлял одежду, а другой — пока Цэнь Сяо не видел — зачерпнул горсть сухих листьев и травы и внезапно швырнул их в него.

Тот зажмурился, уклоняясь, и в следующую секунду повалил Ли Жуна прямо на траву:

— Тебе всё мало?

Ли Жун поспешно поджал ноги, защищаясь от щекотки, и, глядя на него сияющими от возбуждения глазами, рассмеялся:

— Всё, всё! Сдаюсь, больше не буду!

Подобное мальчишество редко случалось между ними, но именно в этот миг они больше всего походили на обычных студентов. На тех, кем они и должны были быть.

<http://bllate.org/book/15351/1506300>